

Я спал урывками почти целый день, а когда проснулся, было уже за десять вечера. Сегодняшняя ночь гарантированно снова станет бессонной. Делать нечего, давайте-ка я продолжу рассказывать о тех днях в больнице.

В тот день в полдень сиделка ещё не пришла, а богиня уже принесла мне обед. Я взглянул на её бейдж и только спустя больше десятка лет узнал, как её зовут.

Ху Цзюнье. Довольно необычное для девушки имя, сразу видно, что выбирал какой-то предсказатель судеб.

Еду она готовила сама, и от неё действительно исходил невероятный аромат. Мой приятель, который уже собирался уходить, тут же намертво застрял на месте и, наглым образом отжав у меня полбанки супа, умотал только под конец. Попивая его, он без конца рассыпался в похвалах, говоря, что в доме всё-таки должна быть женщина, совсем другое дело, вот это и называется нормальной жизнью.

Цзюнье была с мягким характером, просто улыбалась, глядя на нас обоих.

Я спросил, поела ли она сама, на что она ответила, что уже пообедала в больничной столовой.

А потом добавила: Ты с детства был переборчив в еде, больничную пищу точно не любишь.

Только тогда я сообразил, что это изначально был её собственный обед. Мне вдруг стало ужасно неловко.

Она, видимо, заметила это и с улыбкой произнесла: Ничего страшного, неужто ты думаешь, что обед для меня в тягость? Вчерашние остатки, главное — чтобы тебе не брезгливо было.

Я запихнул в рот полный рот еды и пробормотал: Всё тот же вкус. Я так много лет тосковал по нему.

Она вздохнула. Я не знал, почему она вздыхает, но в то же время словно догадывался, потому что мне самому хотелось вздохнуть.

Наверное, она вспоминала тот дом из прошлого, которому уже больше десятка лет, а может, думала о том, почему этот парень Чжань Юэтин до сих пор никому не нужен и всеми заброшен? Ха-ха.

Я не осмелился напрямую спросить, как поживают дядя с тётей, и лишь поинтересовался: Работа в больнице ведь очень тяжёлая? Кто обычно присматривает за ребёнком?

Она взглянула на меня, чуть улыбнулась и ответила: Обычно они у моих папы с мамой, те

сейчас открыли небольшой магазинчик. Тоже неплохо.

Мне всегда казалось, что и в детстве, и сейчас она будто видит меня насквозь.

Работа медсестры действительно отнимает много сил, и не успели мы толком поболтать, как её снова куда-то позвали. Я сказал ей бежать по делам.

Не успела она уйти, как присланная моим отцом сиделка притащила с собой целых семь-восемь контейнеров с едой. Я заявил, что уже пообедал. Тётушка вдруг жутко перепугалась и запричитала: Ой, неужели я слишком поздно пришла?

Я тут же успокоил её: Нет-нет, просто заходил один друг, принёс поесть, заодно и перекусил.

Но она всё равно чувствовала себя неловко из-за того, что опоздала. Тогда я сказал: Ничего страшного, оставьте эту еду здесь, я поем вечером.

Однако она и слышать об этом не хотела, заявляя, что еда быстро остынет, и пообещала принести свежую к ужину.

Я даже начал гадать, сколько же отец отвалил ей денег.

Я пролежал в больнице дней пять-шесть. Вообще-то, стоило температуре спасть, меня бы уже выписали, но в этот раз моё состояние было довольно опасным, поэтому меня понаблюдали ещё несколько дней и провели полное медицинское обследование.

Этот неблагодарный волчонок за все пять дней даже не удосужился позвонить мне.

А вот Старый Фу написал мне сообщение, отчитавшись о перемещениях своей благоверной за последние пару дней: сходила поесть шашлыка, дважды заглянула в магазин, да ещё и денёк прогуляла работу. Жаловался, что без мужа она ходит сникшая, точно побитая морозцем трава.

Она спрашивала его, почему это я так долго не забираю его обратно, уж не поссорились ли мы в самом деле.

Я ответил, что в отъезде по делам, вернусь — сразу заберу, и попросил её присмотреть за ним ещё пару дней.

Вообще-то, мы с ним никогда по-настоящему не ссорились. Кажется, за всё время был лишь один такой случай, когда мы разнесли комнату, а больше, пожалуй, и не припомню. Зато побеги из дома с его стороны случались регулярно: не проходило и трёх дней, как я шёл возвращать его обратно. Его друзья порой до того уставали от наших выходов, что заявляли:

Вы что, ещё не наигрались? Разве это ваши любовные игры такие? Ха-ха.

День моей выписки пришёлся как раз на пятницу. Я изначально планировал сразу отправиться к Старому Фу, чтобы забрать свою благоверную, но стоило мне выйти за порог, как я нос к носу столкнулся с Цзюнье. У неё был отгул, она тоже собиралась домой. Увидев меня с самого утра, она сильно удивилась и спросила, не стоило ли мне полежать ещё пару дней под наблюдением. Я ответил, что всё в порядке, раз температура спала.

Дело житейское, мы дружим столько лет, так что проводить её до дома было само собой разумеющимся.

Квартиру, которая досталась ей после развода, она сдала, а сама сейчас жила у родителей. На четырёх человек однушки площадью в восемьдесят квадратных метров в целом хватало.

Когда я провожал её до подъезда, мне вдруг захотелось подняться наверх и навестить дядю с тётей. Добро, которое эта семья сделала мне много лет назад, было куда большим, чем просто пара тарелок супа. Я чувствовал к ним почти родственную привязанность.

К тому же она сама меня пригласила, и я поднялся.

Дядя с тётей действительно постарели. Я-то всегда думал, что мои собственные родители за последние годы ничуть не изменились, поэтому слегка поразился.

Но потом подумал и решил, что это вполне нормально — они ведь изначально старше моих стариков. Иначе почему их внуку уже исполнилось девять лет?

Дядя с тётей обрадовались, увидев меня, но остались такими же сердечными и простыми. Было в этом что-то такое... как бы сказать? Даже после стольких пережитых невзгод атмосфера в их доме оставалась прежней.

Я был искренне рад повидать их. Тётя усадила меня за стол, а дядя даже откурил бутылочку вина, чтобы выпить со мной. Цзюнье напомнила ему, что я только что из больницы и мне лучше воздержаться. Но мне жутко хотелось, так что в итоге мы всё-таки выпили.

В тот день я не переставая улыбался, да так, что под конец заболели щёки. Я уже давно не испытывал такой радости.

<http://bllate.org/book/26321/3151674>